

після воскресіння Христос з'являється упродовж багатьох днів «...і сорок день їм з'являвся та про Боже Царство казав» [Дії 1:3]. На протязі цього часу відбуваються зміни у Його тілі. Тут приходиться на думку ідея Долі тілесності, а саме її оболонку. Про них йшла мова у стародавніх текстах Єгипту («Книзі мертвих»). Апостоли свідчили, що бачили Христа та торкались Його. Вони говорили, що їли з ним (це є ознакою фізичного світу). Вони говорили про його тіло, яке було видимим, з одного боку. З іншого боку, в іншому місці «однак це тіло не пригідне до звичайних умов земного життя» [Йо 20:19]. Отже, їх свідчення пронизують протиріччя. Єдиним розумним поясненням цього явища є реанімація єгипетських знань про оболонки людського тіла, які після смерті поступово «розтворюються» (цей процес буде розкрито містами ХХ ст.). На наш погляд, ця сакральна істина зашифрована в текстах Біблії. Завданням дослідників є її перевідкриття. Фраза про те, що ці явища були доступні для кількох обраних підкреслюють їх розуміння феномену сходження (вознесіння). Христос стає тим святим, якого Бог звільняє від тління у пеклі [Дії 2:25–32]. Якщо врахувати, що іудейська свідомість не сприймає Христа за Месію, то цей вираз окреслює Долю Христа за гробом. Отже, у першому випадку йде мова про ідею Долі тіла (його духовних оболонку). У останньому фрагменті Старого Заповіту розкривається духовний вимір, куди підіймається певна душа (Царство Небесне). Християнська богословська свідомість тлумачить фрагменти про воскресіння Христа як чудо (поза ясным поясненням його як певного процесу).

У християн Доля земля (як і у іудеїв) завершується у небесній реальності. Коли здійсниться воскресіння мертвих вибрані увійдуть в нове життя в оновленому Всесвіті. Останній отожднюється з раєм та небесним Єрусалимом. Місто небесне не має потреби у сонці, ні в місяці «...слава бо Божа його освітила ...брами його зачиняться не будуть удень, бо там ночі... І не ввійде до нього ніщо нечисте ...тільки ті, хто записаний у книзі життя Агнця [Об. 21:22].

Таким чином, ідея Долі стає базовим концептом есхатологічної проблематики релігійної картини світу іудеїв. Вона стає «механізмом» її оформлення, який формує ідеологічні підвалини релігійної свідомості останніх. Тема Долі складає засадничі основи вірувань. Вона актуалізується у темах: індивідуальної есхатології (Долі душі за гробом), Долі країни, народу, світу (їх вічного буття), Страшного Суду, воскресіння мертвих. Вона стає атрибутом релігійної свідомості (есхатології іудеїв) та надії людей на вічне життя, тобто безсмертя.

Список використаних джерел

1. Біблія. Книги Святого Письма Старого й Нового Заповіту. Из мови давньоєврейської та грецької на українську наново перекладена. Українське біблійне товариство. – К., 1991. – 1255 с.
2. Словник біблійного богослов'я / [за ред. Ксав'є Леон-Дюфура, Жана Люпласі та ін.]. – Львів: Вид-во Отців Василіян «Місіонер», 1996. – 934 с.
3. Этимологический словарь русского языка / Сост. Фасмер Макс. – М.: Прогресс, 1971. – Т. II. – 828 с.
4. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. – М.: Наука, 1993. – 172 с.

References

1. Bibliya. Knyhy Svyatoho Pys'ma Staroho y Novoho Zapovitu. Iz movy davn'oyevreys'koyi ta hrets'koyi na ukrayins'ku nanovo perekladena. Ukrayins'ke bibliyne tovarystvo. – K., 1991. – 1255 s.

2. Slovyk bibliynoho bohoslav'ya / [za red. Ksav'ye Leon-Dyufura, Zhana Lyuplasi ta in.]. – L'viv: Vyd-vo Otsiv Vasyliyan «Misioner», 1996. – 934 s.

3. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka / Sost. Fasmer Maks. – M.: Progress, 1971. – T. II. – 828 s.

4. Frejd Z. Chelovek po imeni Moisej i monoteisticheskaja religija. – M.: Nauka, 1993. – 172 s.

Bredun I. V., PhD, associate professor, Kharkiv National University of Construction and Architecture (Ukraine, Kharkiv), polk@i.ua

Eschatological ideas: the Old Testament

In the article the author carries out the comprehension of religious ideas of eschatological content in the space of the ancient consciousness of the Jews. Within the picture of the world the latter manifests the semantic dimensions of the Fate's ideas, develops author's interpretations. Eschatological ideas are viewed from the perspective of the ideas and beliefs of the Jews about the Fate of man and the destiny of the universe, being being. Eschatology is revealed in the context of the historical branch of its manifestation and design. An individualized dimension of the existence of eschatology, which is understood as the heavenly Fate of the soul after death, is updated. In the space of the last conceptualized semantic load of work threads.

Keywords: soul, eschatology, idea, individual, worldview, Jews, history.

* * *

УДК 261.7

Русин И. И.,
аспирант кафедры культурологии, Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Украина, Киев), rector@uets.net

ХРИСТОЦЕНТРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ТЕОЛОГИИ МИССИИ

Рассматриваются трансформации в понимании миссии протестантским богословием. Процесс формирования миссиологии должен начинаться с формирования миссионерской герменевтики, которая признает Писание как миссионерский феномен и позволяет формировать миссиологию на всем Писании, а не на отдельных текстах. Миссия, несмотря на то, что кажется действием Церкви на самом деле есть атрибут Бога. Божья миссия учреждает Церковь и ее миссию. Поскольку Церковь учреждается Божьей миссией, она в самом своем бытии миссионерская. У Церкви, таким образом, нет иной миссии кроме участия в миссии Отца, Сына и Святого Духа. Виду этого Церковь должна рассматривать мир как целевую среду пребывания и служения. То, что миссия есть Божья миссия демонстрируется еще и тем, что Христос является воплощенной моделью, архетипом миссии Церкви.

Ключевые слова: современная теология, протестантизм, теология миссии, теология диалога, экзегетиология.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Интенсивное взаимодействие с другими религиозными культурами привело протестантскую теологию к осознанию необходимости преодоления эклессиоцентричного понимания миссии. Важнейшей тенденцией стал также отказ от понимания миссии как инструмента распространения христианства с Запада на Восток. Поиск образца для гуманного отношения в Иному привел к пониманию необходимости рассматривать служение Христа как матрицу миссионерского служения. Христоцентричность миссии благоприятствовала новому пониманию как современной миссии, так и миссии Христа.

Состояние исследования. На смену парадигм в современной миссионерской теологии обратили внимание Д. Бош, Л. Ньюбигин, К. Райт. Однако, будучи сами активно вовлеченными в создание современной богословия миссии, эти авторы не смогли дать обобщающего объективного анализа радикальных трансформаций.

Целью данной статьи является попытка комплексного анализа христоцентричности современной протестантской миссионерской теологии.

Современная протестантская теология подчеркивает, что Церковь является миссионерской по существу. Миссия – бытийное или же «врожденное» свойство Церкви, а не отдельная, пусть даже самая главная, функция Церкви [9, р. 30]. Миссионерство – это основа идентичности Церкви, ДНК ее природы. Несмотря на то, что длительное время миссия рассматривалась как дело и функция церкви, миссия – это то чем Церковь является, а не то, что Церковь делает. Вследствие фрагментарного подхода к Писанию и попыткой обосновать миссию отдельными текстами миссия часто рассматривается как долг и обязанность Церкви. Однако в свете *Missio Dei* – миссия есть не повинность, а дыхание и выражение жизни Церкви, как миссионерского сообщества в самой своей природе. Миссия была главной причиной возникновения Церкви и поэтому миссия является главным свойством Церкви. Миссия, в первую очередь, есть атрибут и действие Бога. Она начинается в сущности Бога, во взаимоотношениях и деяниях Отца, Сына и Святого Духа, которые Он явил в истории и Он открыл в Писании. Миссия – в первую очередь, Божья Миссия, которая является источником и определяющим фактором любой другой миссии [17, р. 68]. В современной миссиологии концепция Божьей миссии обозначается латинским термином *Missio Dei*, который, в нынешнем значении, ввели Карл Барт и Карл Гертенштейн, после знаковой миссионерской конференции в Веллингтоне в 1952 году [11].

В своей совокупности, книги Библии открывают нам Бога как Троицу – совершенная любовь и вечное общение Отца, Сына и Святого Духа [17, р. 69]. Поскольку Бог как Троица есть вечное общение и любовь *ad intra*, это свойство определяет или же продолжается и *ad extra* [4]. Божья любовь не есть нарциссическая любовь, направленная во внутрь, на себя. Напротив, она есть любовь направлена вовне [9, р. 28]. Бог создает человека по Своему образу и подобию, что предполагает и делает возможными взаимоотношения между Творцом и человеком. Бог не остается тайной, но открывает и интерпретирует Себя человеку, становится доступным человеку, участвует в жизни человека. Творение человека и откровение Себя человеку есть инициатива любви и творческое деяние Отца, Сына и Святого Духа, обусловленное Его сущностью, но не являющееся сущностной необходимостью.

Бог как Троица является источником, инициатором и исполнителем миссии. Миссия является выражением Его природы как Троицы, есть результатом Его искупительных дел в отношении человека и мира. Поэтому всегда, когда речь идет о *Missio Dei* имеется в виду *Missio Trinitas* [9, р. 27]. Божья открытость к человеку и Его деяния ради человека, особенно выраженные в посланничестве Иисуса и Святого Духа указывают на миссионерскую природу и миссионерскую активность самого Бога [17, р. 69]. Таким образом, Бог может быть назван первым и главным миссионером [Там же]. Он есть миссионер и у Него есть миссия по отношению ко всему миру и ради блага всего мира. Эта миссия иницируется Его неисчерпаемой любовью и суверенной волей, совершается Его абсолютной властью и могуществом через Его постоянное присутствие и деяния в мире. Все Писание повествует о Божьей миссии к человечеству.

Осознание Божьей открытости к миру и собственной миссионерской природы и предназначения, делает Церковь способной видеть мир как свою целевую среду пребывания и служения. Бог любит этот мир и, следуя примеру Иисуса Христа, Церковь направляется в этот разрозненный и страждущий мир, неся в себе Евангелие Царства. Поскольку мир есть не только арена Божьих искупительных деяний, но и их цель, Церковь направляется не сопротивляться миру или отрицать мир, но своим честным возвещением и сострадательным служением изменять его. Она по своей природе существует ради блага мира, ради блага людей, которые не являются ее частью. Церковь является Церковью только когда существует ради других, когда видит себя не убежищем от мира, но общиной существующей ради спасения этого мира. Поэтому, являясь орудием Божьей миссии, Церковь должна постоянно пребывать в мире, будучи не от мира. Мир со всеми своими проблемами и вызовами никогда не должен ускользать из поля зрения Церкви. Только когда Церковь преодолевает стойкое искушение извлекать себя из мира и изолировать себя от мира, она способна слышать мир, видеть его нужды, открывать миру его подлинное состояние и полноту его призвания. Церковь, которая бежит из мира лишает себя способности и возможности быть своевременным голосом Божиим в среде мира, быть предощущением Царства Божьего в среде разрозненного царства человеческого. Тогда она «пророчесствует после события» или же говоря другими словами, решает вчерашние проблемы. Ее служение не пророческое, а ситуативное, хотя должно быть все наоборот. Устранение себя из мира, закрытость от мира, существование для себя, ограничение своей деятельности храмовым и жреческим служением, на самом деле является предательством миссионерской сущности Церкви.

Поскольку *Missio Dei*, есть выражение внутренних отношений и внешних деяний Троицы, участие Церкви в Божьей миссии есть участие в жизни Троицы и ее деяниях которые, которые охватывают всю вселенную и всю историю. Значимость миссии Церкви становится очевидной так же и тем, что миссия Церкви наделяет смыслом историю между воскресением и *паруссией* и связывает эти два события в одну последовательную историю [3, р. 157]. Хотя миссия есть Божья миссия, Церковь имеет привилегию быть частью великой Божьей миссии, служить основным орудием этой миссии. Участвуя в этой миссии, Церковь действует не своей силой, но властью и силой Духа Святого, который непрерывно сопровождает, направляет и оснащает Церковь в миссии [15, р. 191]. Бог совершает Свою миссию в Церкви, посредством Церкви и до Церкви, когда через *preparatio evangelica* создает благоприятную почву для миссии Церкви [16, р. 71].

Современные богословы подчеркивают, что Божьи намерения являются не ориентиром, а нормативом и мериллом для миссии Церкви. Однако, Церковь подвержена искушению навязывать свою миссию Божьей миссии или же позволять другим институтам навязывать их миссию миссии Церкви.

На протяжении многих лет, главным образцом миссионерского служения был апостол Павел. Безусловно, он является выдающимся примером миссионерской

деятельности у кого Церковь может и должна брать пример. Тем не менее, при всей объективной значимости апостола Павла, современное богословие предлагает смотреть на Иисуса Христа как воплощенную модель миссии Церкви. Этот выбор особенно уместен, когда мы подчеркиваем значимость и первенство Божьей миссии.

Посылая учеников в мир, Иисус Христос говорит: «Как Отец послал Меня, так и Я посылаю вас» (Ин. 20:21). Этим тезисом подчеркивается преемственность, тождественность и взаимосвязь между Своей миссией и миссией Церкви [15, р. 289]. Миссия Церкви, с одной стороны, берет свое начало в миссии Христа, а с другой осуществляется по модели миссии Христа. Иисус предстает как источник и модель для миссии Церкви в мире. Он есть воплощенный архетип миссии Церкви, Его миссия есть норматив и мерило для миссии Его учеников [9, р. 39]. Миссия Церкви, таким образом, подлинна только при условии воплощения в жизнь миссии Христа, при непрерывной демонстрации вечных и искупительных целей Христа в своей миссионерской активности. Поэтому миссионерская стратегия Церкви есть ничто иное, как предельное подражание и соответствие Христу как модели миссии Церкви. Главенство Христа есть фундаментальная характеристика миссии Церкви, ибо подражая Христу в стратегии миссии, Церковь должна постоянно подражать Ему и в Его послушании Отцу (Ин. 6:38).

Преемственность и тождественность миссии Церкви и миссии до-пасхального Христа, которую евангелист Иоанн выразил одним тезисом в 20:21, Матфей ясно иллюстрирует сопоставляя служение Христа со служением учеников. В 10 главе, которую можно называть миссионерским семинаром, Иисус, впервые называя учеников апостолами, наделяет их властью совершать служение [6, р. 262]. Текстуально, отправление учеников возвещать о приближении Царства Божьего, является следствием сострадания Христа народу и осознанием острой и срочной необходимости в делателях на Божье ниве (9:36–38). Подражание Христу в миссии учеников проходит красной нитью через весь текст «миссионерского семинара». Все то, что делал Иисус должны делать ученики, и для этого он дает им Свою власть. Для Матфея ученики были олицетворением ранней Церкви, поэтому вопросы учеников Христу есть вопросы общин Матфея Христу. Повеления Христа ученикам есть повеления Христа верующим из числа общин, которым предназначалось Евангелие. Таким образом, описание миссии учеников, есть описание миссии и современной Церкви, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Матфей вместе с Иоанном предельно ясно говорят о том, что миссия учеников учреждается Христом и совершается по Его примеру. Он, как прототип подлинного миссионерства воплотил в Своей жизни все к чему призывает учеников. Миссия Церкви действительно должна быть подражанием Христу и в этом сокрыт успех ее предприятия. Мы же ограничимся кратким обсуждением двух элементов миссии Христа, которые являются крайне важными в современных условиях.

Воплощение Христа является важным принципом миссии Церкви в современном мире. Будучи Богом, Христос становится подлинным человеком, воплощается

в конкретные исторические, социальные, политические и религиозные обстоятельства (Ин. 1:1–18). Он контекстуализировал Себя, и таким образом, стал видимым, доступным и понятным человеку. Он пришел к человеку как человек. Через воплощение Бог продемонстрировал максимальную солидарность с человеком. Драма мира стала Его драмой, история мира Его историей. Через воплощение Бог есть не только Бог для человека, но и Бог рядом с человеком.

Если Церковь совершает миссию по модели Христа, тогда воплощенная миссия должна стать ее стратегией. Миссия воплощения, во-первых есть неподдельная солидарность с миром и ради мира. Это вовсе не подразумевает ассимиляцию или потерю своего идентичности [10, р. 178]. Солидарность есть бескорыстное соучастие в жизни мира, ответственность за настоящее и будущее мира. Через миссию воплощения Церковь приходит к человеку, приходит туда где находится человек.

Во-вторых, миссия воплощения есть контекстуализация себя и своего послания в формы понятные и адекватные целевой аудитории. Мировоззрение и культура непрерывно трансформируются, приобретая новые очертания и новые смыслы и тем самым делают контекстуализацию непрерывным процессом. Это важно даже на просторах христианских «канонических территорий» ввиду наличия субкультур и постоянной смены культурных парадигм. Послание Церкви, как трансляция послания Христа должно быть не только озвученным, но услышанным и понятным. Без солидарности с миром и непрерывной контекстуализации это, увы, невозможно. Именно через непрерывную и адекватную контекстуализацию Церковь доступно доносит вечное Евангелие и усиливает его влияние на слушателей [12, р. 35]. Воплощение Христа делает миссию воплощения и контекстуализацию не просто возможной, но обязательной [5, р. 21]. Практичной иллюстрацией служения воплощения, солидарности и контекстуализации является служение Павла, который «для всех сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:20–23).

Миссия Христа была целостной миссией направленной и охватывающей всего человека – его духовную и физическую сторону, касалась всех сфер человеческой жизни. Программный манифест, который Иисус озвучил в начале публичного служения, ясно и определенно говорит о Его целостной миссии: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк. 4:18–19). Служение Христа имело не только религиозный резонанс, но и социальный, экономический и политический. Оно было направлено на все общество, включая все социальные и религиозные слои этого общества. Очевидно, что искусственная поляризация и дихотомия между провозглашением и социальным действием, между духовным и материальным, светским и Божьим была чуждой Христу, Павлу [16, р. 402] и ранней Церкви [2, р. 280–281; 7].

Поскольку миссия Церкви является следствием и продолжением миссии Христа, она должна быть целостной, направленной на всего человека и на все

сферы его жизни. Имея такой высокий образец, Церковь не может ограничиться проповедью или социальным действием, но в силу своего предназначения, разделяя сострадание Христа к миру, должна совершать и то и другое с одинаковым усердием. Проповедь Евангелие Христа, приобретаемая учеников Христу во всем мире, Церковь также должна быть инициатором, инструментом и адвокатом социального преобразования и справедливости. Социальная, экономическая, политическая и культурная сферы человеческой жизни не могут быть на периферии интересов Церкви, ибо она видит трансцендентную ценность человека в его целостности. Более того, активность Церкви должна быть направлена на причины социальных кризисов, а не только на их результаты. Молчание, конформизм и редукция своей миссии только к возвещению Евангелия противоречат миссии Церкви, которая ежедневно взывает к Творцу «... Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле как на небе...» (Мф. 6:9–10). Напротив, через целостное служение Церковь не только возвещает Евангелие Царства, но и в определенной мере актуализирует его, являя людям альтернативу иного качества жизни – жизни Царства Божьего.

Воплощенная миссия позволяет Церкви быть в среде мира, видеть его подлинное состояние, говорить на его языке, а целостная миссия позволяет Церкви быть благом для мира, средством достижения его целостного спасения и преображения. Находясь в поиске подходящей стратегии миссии, Церковь должна подражать Христу, черпать в нем как силу, так и модель своего служения. Миссия Церкви, таким образом, должна воистину быть христовцентричной по содержанию и христовподобной по форме.

Божье владычество над миром и его историей является абсолютным и глобальным, поэтому Его миссия целостная и всеобщая. Она охватывает все человечество, включая все сферы его жизни. Всеобщность Миссии, таким образом, является следствием, выражением и инструментом Божьего владычества и Его любви ко всему миру. Глобальный фокус Божьей миссии четко прослеживается в Ветхом и Новом Завете, в жизни Израиля и Церкви, как инструментов Божьей Миссии.

Современные богословы подчеркивают, что, говоря о миссии Израиля в Ветхом Завете, важно обращать внимание на контекст его призвания. Повествование об избрании Авраама, в котором содержится обетование создать народ Израиль и благословить все племена земли находится в контексте мировой истории, которая записана в Бытии 1–11 и на фоне списка из семидесяти наций, который изложен в Бытии 10. Этот список включал в себя весь известный мир того времени [14, р. 5]. Эти две детали проливают свет на причину и цель избрания. Божий фокус переходит от общего к частному, от всего человечества к одному народу, но ради всего человечества и всей его истории. Немногие ради всех – вот логика Божьего избрания в Ветхом Завете [8, р. 2]. Поэтому, когда в Ветхом Завете речь идет о фокусе Божьей Миссии употребляется всеобъемлющая, глобальная терминология: все племена (Быт. 12:3; 28:14), все народы (Быт. 18:18; 26:4), все концы земли (Пс. 21:28; Ис. 45:22), все языки (Дан. 7:14; Ис. 66:18), все кланы, роды и семьи (Пс. 11:6; Дан. 7:14). Через

историю Израиля демонстрируется Божья власть над всей землей и Его интерес ко всему человечеству.

В Новом Завете инструментом Божьей Миссии становится Церковь. Поскольку миссия Церкви есть участие в Божьей Миссии и продолжение миссии Христа, ее миссия является не только целостной, но и всеобщей. Глобальный фокус миссии Церкви также обусловлен беспредельной властью воскресшего Христа. Его власть охватывает небо и землю – миссия Церкви направлена ко всем народам (Мф. 28:18–20) [1, р. 61]. Примечательно, что возникновение Церкви в день пятидесятницы имеет определенные параллели с контекстом избрания Авраама. Лука отмечает, что на праздник в Иерусалиме находились «люди набожные из всякого народа под небом» (Деян. 2:5). В 2:8–9 он предоставляет список народов и географических территорий, которые представляли паломники. Этот список, хотя и неполный, согласно Грину, символически представляет все человечество. Таким образом, избрание Авраама и возникновение Церкви происходит на фоне народов. Примечательно, что в результате сошествия Святого Духа на учеников, присутствующие понимают их речь, ибо «...каждый слышал их говорящих его наречием» (Деян. 2:6). Таким образом, контекст возникновения Церкви и события дня Пятидесятницы недвусмысленно указывают на всемирный масштаб миссии Церкви. «Иные языки» символизировали то, что Евангелие не ограничено одной нацией, одним языком и одним священным городом [5, р. 31]. Пятидесятница предвосхищает и обосновывает расширяющийся горизонт миссии Церкви о котором повествуют последующие главы книги.

Бог желает «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:2), поэтому Церковь должна идти по всему миру и проповедовать Евангелие всему творению, всей вселенной, во свидетельство всем народам в целом мире (Мк. 13:10; 16:15; Мф. 24:14; 26:13). Говоря о глобальности миссии крайне важно обратить внимание на нюансы библейской терминологии. Когда речь идет о всеобщей миссии имеется в виду миссия не ко всем государствам мира, а ко всем народам мира. Писание делает акцент не на политическом и географическом устройстве мира, а на этническом и лингвистическом. Задача Церкви, таким образом, проповедовать Евангелие не во всех странах мира на всех континентах Земли, а во всех этических и лингвистических группах мира. На протяжении последних столетий миссия преимущественно мыслилась в политическом и географическом ключе – миссия с Запада на Восток. Коль скоро миссионеры проникнут в каждую страну, миссия Церкви будет выполнена. Время показало ложность такого мышления. Церковь давно присутствует во всех странах мира, на всех континентах, однако миссия еще далеко не завершена. На территории многих государств, где присутствует Церковь, и даже христиане являются большинством, находятся недостигнутые народности, которые обладают уникальными этническими и лингвистическими идентификаторами [13, р. 114].

Выводы. Процесс формирования миссиологии должен начинаться с формирования миссионерской герменевтики, которая признает Писание как миссионерский феномен и позволяет формировать миссиологию

на всем Писании, а не на отдельных текстах. Миссия, несмотря на то, что кажется действием Церкви на самом деле есть атрибут Бога. Он есть миссионер и миссия есть Его миссия, которую Он инициирует и вершит, как Бог Отец, Сын и Дух Святой. У Церкви, таким образом, нет иной миссии кроме участия в миссии Отца, Сына и Святого Духа. Ввиду этого Церковь должна рассматривать мир как целевую среду пребывания и служения. Перед Церковью стоит постоянная необходимость контекстуализировать себя и свое послание в изменившихся или новых культурных контекстах. Форматом миссии Церкви должно быть целостное служение, состоящее из честного воззвания Евангелия и приобретения учеников, а также сострадательного служения и социального действия. В фокусе миссии Церкви, которая является участием в Божьей миссии находятся все народы мира. Власть Бога абсолютная, любовь всеобъемлющая и поэтому миссия Церкви должна охватить всех и каждого.

Список использованных источников

1. Barth K. An Exegetical Study of Matthew 28:16–20 // *The Theology of Christian Mission* / Ed. G. Anderson Nashville: Abingdon Press, 1961. – P.55–72.
2. Crawley W. *Global Mission*. – Nashville: Brodman Press, 1995. – 400 p.
3. Cullman O. *Christ and Time*. – Philadelphia: Westminster Press, 1949. – 253 p.
4. Daugherty K. *Missio Dei: The Trinity and Christian Mission* // *Evangelical Review of Theology*. – 2007. – №31:2. – P.151–168.
5. Fleming D. *Contextualization in the New Testament: Patterns for Theology of Mission*. – Downers Grove, IVP Academic, 2005. – 344 p.
6. Hagner D. *Matthew 1–13 / Word Biblical Commentary Vol.33 A*. – Dallas: Word, Incorporated, 2002. – 483 p.
7. Hertig P. *The Great Commission Revisited: The Role of God's Reign in Disciple Making* // *Missiology: An International Review*. – Vol. XXIX, No.3, July 2001. – P.343–353.
8. Kaiser W. *The Great Commission in the Old Testament* // *International Journal of Frontier Missions*. – Vol.13:1, Jan–Mar 1996. – P.3–7.
9. Kirk A. *What is Mission: Theological Exploration*. – London: Darton, Longman & Todd, 1999. – 302 p.
10. Mondithika S. *Incarnation* // *Dictionary of Mission Theology: Evangelical Foundations* / Ed. Corrie J. – Nottingham: Inter–Varsity Press, 2007. – P.177–181.
11. Pachuan L. *Missio Dei* // *Dictionary of Mission Theology: Evangelical Foundation* / Ed. J. Corrie. – Downers Grove: Inter Varsity Press, 2007. – P.232–234.
12. Parshall P. *Muslim Evangelism: Contemporary Approaches to Contextualization*. – Waynesboro: Gabriel Publishing, 2003. – 307 p.
13. Piper J. *Discipling All the Peoples* // *Perspectives on the World Christian Movement* / Ed. R. Winter, S. Hawthorne. – Pasadena: William Carey Library, 1991. – P.113–117.
14. Scott J. M. *Paul and the Nations*. – Tubingen: J.C.B. Mohr, 1995. – 260 p.
15. Senior D. *The Biblical Foundations of Mission* / D. Senior, C. Stuhlmueller. – Maryknoll: Orbis Books, 2003. – 371 p.
16. Tennent T. *Invitation to World Mission: A Trinitarian Missiology for the Twenty-first Century*. – Grand Rapids: Kregel, 2010. – 559 p.
17. Thompson J. *Modern Trinitarian Perspectives*. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 165 p.

Rusin I. I., aspirant of the Chair of Culturology at the National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine, Kyiv), rector@uets.net

Christocentricity of modern Protestant theology of mission

The article deals with the transformations in the understanding of the mission by Protestant theology. The process of forming a mission must begin with the formation of missionary hermeneutics, which recognizes Scripture as a missionary phenomenon and will allow the formation of a mission in the whole Scripture, and not on individual texts. The mission, in spite of the fact that it seems that the action of the Church is

in fact an attribute of God. God's mission establishes the Church and its mission. Since the Church is established by God's mission, it is missionary in its very being. The Church, therefore, has no other mission other than to participate in the mission of the Father, the Son and the Holy Spirit. In view of this, the Church should view the world as a target environment for stay and ministry. The fact that the mission is God's mission is also demonstrated by the fact that Christ is the incarnate model, the archetype of the mission of the Church.

Keywords: modern theology, Protestantism, mission theology, dialogue theology, ecclesiology.

Rusin I. I., aspirant of the Chair of Culturology, National Pedagogical University im. M. P. Dragomanova (Ukraine, Kyiv), rector@uets.net

Христоцентричність сучасної протестантської теології місії

Розглядаються трансформації в розумінні місії протестантським богослов'ям. Процес формування місіології повинен починатися з формування місіонерської герменевтики, яка визнає Писання як місіонерський феномен і дозволяє формувати місіологію на основі всього Писання, а не на окремих текстах. Місія, незважаючи на те, що здається дією Церкви насправді є атрибут Бога. Божья місія засновує Церкву і її місію. Оскільки Церква засновується Божою місією, вона в самому своєму бутті місіонерська. У Церкви, таким чином, немає іншої місії, крім участі в місії Отця, Сина і Святого Духа. Зважаючи на це Церква повинна розглядати світ як цільову середовище перебування і служіння. Те, що місія є Божою місією демонструється ще і тим, що Христос є втіленою моделлю, архетипом місії Церкви.

Ключові слова: сучасна теологія, протестантизм, теологія місії, теологія діалогу, еклезіологія.

* * *

УДК 165.12

Самчук В. А., провідний спеціаліст кафедри сучасних європейських мов, Київський національний торговельно-економічний університет (Україна, Київ), volodymyrsamchuk@ukr.net

РЕФЛЕКСІЯ ІДЕЙ СУСПІЛЬНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ У ФІЛОСОФІЇ ПРАГМАТИЗМУ ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА МІДА

В історико-філософських працях, центральною серед яких є «Рухи думки у XIX ст.» американський філософ-прагматист Дж. Г. Мід першочергову увагу приділяє тим історично-суспільним та інтелектуальним контекстам, які наближують царину філософських міркувань до її практично-життєвого вираження. У статті репрезентовано запропонований Дж. Г. Мідом багатограний наратив взамовизначальних «рухів» економічної та суспільно-філософської думки, який у дослідницькій літературі поки що займає периферійне становище. Застосований у розвідці метод історико-філософського аналізу із залученням елементів історичної та культурної контекстуалізації дозволяє розширити та актуалізувати уявлення про джерела американського прагматизму.

У підсумку Дж. Г. Мід сформулював прагматичний погляд, згідно з яким еволюція суспільних інститутів є ефективною, якщо спирається на покрокові позитивні трансформації, стимульовані ініціативою залучення до відповідної сфери діяльності індивідів і спільнот.

Ключові слова: Дж. Г. Мід, філософія прагматизму, ортодоксальна економічна доктрина, утилітаризм, теоретичний соціалізм, «соціальний іншій».

Провідні представники філософського прагматизму XIX – XX століття розглядали питання суспільно-історичних трансформацій під різними кутами зору. Ч. Пірс, аналізуючи практичний аспект наукових досліджень, вказує на їхню спрямованість на генерування гіпотез (abduction), що забезпечує прогрес в інноваційному потенціалі науки. Дьюї та Р. Рорті розвивають власні версії філософії прагматизму з метою інтенсифікації плюралістичного цивілізаційно-демократичного процесу. На нашу думку, налаштованість на досягнення потенціалів «ситуативної креативності» філософських ідей у суспільно-трансформаційному контексті знаходить не менш яскраве вираження в історико-філософських міркуваннях Дж. Г. Міда. Зокрема, запропонована ним концепція